

Обложка работы художника БЕЛА УИЦ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ — 1930

№ 6
10 коп.

ТЕАДЕКАДА

пьесу в репертуаре театра Революции, «Когда погодят петухи». Исходное положение пьесы — борьба за освобождение коммуниста Кутуса Бравера, а исполнительской группой под руководством имени Пушкина ПК Германской компартии поручает защиту Бравера алжирскому коммунисту Бедонишу, но прокуратура отводит его. Новый замысел — итальянский писатель Франческо Альбани. Роль Зингфельда — «запись за дело», ведет двойственную политику. Он уезжает к себе на родину, чтобы для отпуска сматреться по делу Бравера в деревенском кабаке, где он и встречает свою жену.

Именем Фолькнера компания делает большую политическую кампанию и добивается всеобщей забастовки. Забастовка проходит с успехом. Всего минута, и Зингфельд получает по заслугам от демонстрантов, которых освистывают его и вышибают из зала. Альбани картишью склея в его рожковой маске.

Следует однако, заметить что Курдомову не следовало делать «алжирско-демократом», так как это было бы противоречием с тем, что говорится в пьесе. Это односторонне, неправдоподобно, и зритель не совсем верит автору. Ильинше разлагает пьесу членов Зингфельда с решившей честью Пушкиной, а также несколько балладами из исполнения слуг Зингфельда — Герты и Дрешиной.

«БРАВЫЙ СОЛДАТ ШВЕЙК»

(В Реалистическом театре)

Когда чешского писателя Ярослава Гашека «Бравый солдат Швейк» обожал весь мир. Злая ironia и обличающая сатира, направленные против всего уклада буржуазного общества, язвое и пронзительное произведение неизменно вызывало и заслуженный успех.

Реалистическому театру инспирированному романом Гашека, пришлося преодолеть ряд серьезных трудностей. Но писательский дух был разбросан и потонуть в изобилии сцен, спектаклей, различных диалогов, комических положений, но главное, неоднократно было вытравлено национализм и панификация враждебных армий.

Театр сумел обработать роман Гашека: выбрано все основное общественно-значимое, и добавлены элементы, введенные в кино, разговор покерные сара со Швейком и такой неизбежной эпизодом, как бег с протезами.

Театр следовало бы показать Швейка, постепенно расставшегося с политической пропагандой, но «зажимнувшись под ногоды» для него маньяк глупца. Так проявление Швейка создало бы из разрозненных эпизодов единство и целостность действия. Тогда бы, зажимнувшись было слово Швейка о реполюции, тогда бы он предстал перед зрителем, как его братание с русским и добровольческим племенем. Но бегство с фронта от трусости, военного преступления, от политической пропаганды, не уклонение от мировой войны, а стремление к тем, кто первый провозгласил лозунг: «Из войны империалистической — в��у гражданскую».

Театр сумел обработать роман Гашека, начавшись как пролог, конфирмант. Таким же конфирмантом спектакль следовало бы отчечьше пьесу, а затем и митрополита господина и митрополита, где он должен появляться простаком, а уходить метапсии и надеваемыми головами. Такой Швейк не только подстригивает и дурачится, но бичует и изматывает, как пансионерка, старушку «ку» мир восхищая, восхищая, и первым.

Постановщик сумел сосредоточить внимание зрителя на внутреннем мире героя, на ярком образе юмористической сатиры, направленной на борьбу с общественным расширением и проникновением политической пропаганды в жизнь.

Блистательная режиссерская выдумка, остроумная и экономная концепция Шапкина, дружная и равноквалифицированная игра актеров создали спектакль, который, несмотря на то, что «Бравый солдат Швейк» в Реалистическом театре, покоривший подавленный боям на ОДВА и к 18-летнему юбилею 1-й Конной армии.

«КАРЬЕРА НА ГВОЗДИКЕ»

(в театре Замоскворца)

Курдомов — автор пьесы — имя еще неизвестно в театральных кругах. Драматург в первый спектакль показал большую мастерскую, способную создавать и разрабатывать, не зевая, не зевая, действие занимательное и интригующее. Жизнь и яркий языки, большая искусство в создании спектакля, а также проникновение в характер Курдомова сумел стать большим драматургом.

Содержание пьесы — и это любите: взаимоотношения различных политических группировок в Германии. На эту тему мы знаем только одну

Спектакль идея не в одном тоне: 1 и 4 акты с большой долей обличающей сатиры воспринимаются как спретильные и наказание предсталий Зингфельда, а 2 и 3 акты дают смысл драматики: родная семья Зингфельда узнает, что сын их стал соцпак-предателем.

Пьеса Курдомова вполне заслуживает внимания рабочих и комсомольцев.

«БОЛОТО»

(Замоскворецкий театр и театр б. Корин).

Французскому драматургу Паннову, автору пьесы «На нас падет «Торонгы славы», влезет в этот году в Москве: его «Болото» поставлено одновременно два театра — Замоскворецкий и б. Корин.

Вот краткое содержание пьесы. 35-летний учитель частного пансиона Мун напанский и проподает в Топасе первые высокие и фундаментальные принципы политическую ненависть социалиста, члена мусиципалитета, в неподсудность так называемого «общественного мнения» и в беспристрастную справедливость суда. Топас — это город, в котором живут отъявленные мошенники барона Верзеля и его любовницы Созанныи Куртуа и принц участники в непрерывной цепи гибели, склоняющиеся к отвратительной кипящемуся на «переплюснутом» и становящимся самими кипящими аферистом, превосходя размахом жульнических операций, свою недавнюю патрон.

Режиссер Замоскворецкого театра Т. Верзели и Верзобей стали на правильный путь и сделали все, чтобы только социально построить пьесу. Тогда поняли, что не сумели извлечь из своей обличающей пьесы Паннова из своего волчонка, а буржуазный писатель и что, следовательно, его нужно «выправить», прежде чем ставить на сцене.

Это сказалось прежде всего в понимании образа Топаса: это добродушный, наивный и простой, испытывающий честолюбие, гордость и любовь к родине, и в то же время глупый и свойственной ему честности. Паннов в коммюнике Верзели и увидевши настоящую подкладку своей новой деятельности, он указывает так, что Топас — это образ, превращение Топаса — учителя в дельца — здесь чистотельно, с большой внутренней силой и полна подлинного драматизма. Наивность Топаса, его честолюбие и любовь к родине в постановке Верзели и Верзобей как некий анархический и личный бунт против буржуазного общества, как место его мелких дельцов, таким образом, в этом спектакле было успешно актированы его и идеализались над ним.

Режиссеры совершили справедливые эстетические попытки подчерпнуть, что таким людям как Верзели и Топас не хватает моральной крепкости труда. Однако сама пьеса не дает возможности показать эти необходимые нормы и принципы и поэтому остаются только подчеркнуть все это в словах и высказываниях учительницы Топаса и Тамиси.

Замоскворецкий театр, чтобы подправить с ошибками несомненным вялым, большое мастерство, а главное, критическое видение, подходит автору, т. е. к тому, что такое, что рождается, остается только подчеркнуть все это в словах и высказываниях учительницы Топаса и Тамиси.

Замоскворецкий театр, чтобы подправить с ошибками несомненным вялым, большое мастерство, а главное, критическое видение, подходит автору, т. е. к тому, что такое, что рождается, остается только подчеркнуть все это в словах и высказываниях учительницы Топаса и Тамиси.

В заключении, однако, нужно сказать, что театру удалось обесцветить автора, но не сдесадировать его борьбу, и что Топас, несмотря на ошибки, осталась только подчеркнуть все это в словах и высказываниях учительницы Топаса и Тамиси.

Замоскворецкий театр, чтобы подправить с ошибками несомненным вялым, большое мастерство, а главное, критическое видение, подходит автору, т. е. к тому, что такое, что рождается, остается только подчеркнуть все это в словах и высказываниях учительницы Топаса и Тамиси.

Театр б. Корин ошибочно решил, что картина на него. Но пьеса Паннова, направленная целиком обличить гнилость буржуазного общества и обнажить разделение политического мира капиталистической страны, добивается как раз обратного результата. Уже в первом упомянутом спектакле Зингфельда Дядя Топаса б. Корин Топас и в жесте, честолюбиво устремленном вперед, и не умеет жить, приспособиться. Всё, а не здешний превращение Топаса из человека честолюбивого и беспристрастного, в «доброй инни» и феерическую, которая, учила простота как следует жить в «честном социал-демократическом» государстве, оказалось ученическим, наивным, и унылым, унылым, унылым.

В заключении следует сказать что единственным опиравшимся постановкой «Болота» в обоих театрах могут служить высокие художественные достоинства пьесы Паннова, ее яркое и яркое, полное остротума и иронии, ряд интересных и неожиданных положений, словом, все то, что дает актерам широкую возможность и создавать и играть на сцене. Но это не значит, что в обоих театрах играли так превосходно, как только можно играть, изоголовавшись по хорошей спектакльской пьесе и комедии члобовик.

ПОД ЗНАМЕНОМ МИРОВОЙ КОММУНЫ ВЫСТУПАЮТ КОЛОННЫ РАБОЧЕГО КЛАССА ВСЕГО МИРА

«Дело Коммуны — это дело социальной революции, дело полного политического и экономического освобождения трудящихся. Это дело всесветного пролетариата. В этом смысле оно бессмертно».

(Ленин)

Капиталистический мир мобилизует все силы, все средства для удушения революционного пролетариата.

Наступлению капитала на позиции рабочего класса, подготовке империалистов нападения на СССР международный пролетариат противопоставляет революционную энергию и готовность к бою миллионов пролетариев, пришедших на смену тысячам парижских коммунаров, павших на защите первой коммуны.

Следить за классовыми боями, происходящими по ту сторону границы, учиться на опыте борьбы международного пролетариата стратегии и тактики классовых схваток, воспитать в себе, на примерах гернической борьбы зарубежных братьев, качества действительных большевиков — такова задача каждого комсомольца, каждого молодого рабочего.

Лишь на этом мы сумеем заострить наше большевистское оружие, так необходимое нам в борьбе с оппортунистами справа и слева, в борьбе с классовыми врагами внутри СССР, мешающими нам строить социализм.

Важнейшим моментом в рабочем движении после X пленума ИККИ является дальнейшее нарастание революционного подъема в обстановке израгающего мирового кризиса и массовой безработицы.

Развертывающиеся ныне во всем мире, на основе борьбы за экономические требования пролетариата, стачечное движение характеризуется тем, что оно все больше развивается помимо и против иракономического характера. Роль реформистских профсоюзов при все более широком участии неорганизованных масс, при все шире распространяющейся в процессе борьбы практике создания наивысших органов руководства стачками.

Возникшая в подавляющем большинстве случаев как экономическое движение, связанное с борьбой либо за повышение заработной платы, либо против снижения ее, эти стачки в ряде случаев приобретают политический характер, превращаясь в стачки солидарности.

(Из резолюции расширенного президиума ИККИ.)

... Несмотря на неравномерное развитие революционного подъема, выражющееся в разнообразии форм классовой борьбы и степени ее обострения, революционный подъем продолжает нарастать, подводя рабочие массы к важнейшим задачам революционной борьбы за свержение капитализма и установление диктатуры пролетариата.

(Из резолюции расширенного президиума ИККИ.)

СМЕНА

№ 6 МАРТ 1930 г.

Литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал рабочей молодежи

Орган ЦК и МК ВЛКСМ — Изд-во „Молодая Гвардия“

Адрес редакции: Москва, Центр, Новая площадь, 6. Издательство „Молодая Гвардия“. Прием в редакцию ежедневно с 12 до 2 ч. дня.

Ответственный редактор С. Кэмпрад
Заведующий редакцией Я. Юдинский

6 марта — смотр сил борющихся пролетариата, его знамя беспрощадной классовой борьбы. Это знамя, окропленное кровью пролетариев, было геройски пронесено через весь капиталистический мир, потрясаемый революционной бурей.

ПРОЦВЕТАНИЕ

Рассказ Г. Саутам

Фабрика выпила силу из Мата Адамса, подерила пленкой когда-то ясные глаза. Но администрация добра: в награду за тридцать лет работы его не выгнали на улицу. Теперь Мат работает на складе; кто лучше его на ощупь отыщет сорт «александрийский линт»¹ от «лексис бонд»? Кто еще так любовно будет похлопывать по тумным кипам «дамаска», «грэнди» и «артзлэйд»? Мат вырос здесь на бумажной фабрике и все сорта бумаги родные ему. Джим пошел не в отца, и старик частенько вздыхает, думая о нем. Джим и знать не хочет тонкого разницы между 120-фунтовой «саксон» и 123-фунтовой «саксон». Джим больше думает о быстрых машинах, чем о тонах линий-просветов на «луковичной шелухе». Мат не понимает этого. Ведь, «Стратмор» не обыкновенная фабрика, а концерн, в котором на каждой из которых знай себе наворачивает рулонами газетной полубеды. Фабрика «Стратмор» и Ко выделяется только редкими специальными сортами бумаги изысканных тонов с водяными знаками. И Мат странно обожается, когда сидит на рабочем месте, машинистом, рукою — Ты кустарь, отец. Теперь только китайцы делают бумагу вручную. Наша дедо — машина. Ни тебе, ине мие не нужны высокие сорта бумаги.

Мат искренне возмущается. Обыднее всего то, что сына нельзя упрекнуть в небрежности к белу, но Мат просто не понимает его. Во многом не понимает. Затем, например, Джиму всякие союзы и какие-то там партии? Вот Мат прожил свой век без всяких союзов, честно служил сперва старому Куперу, потом знаменитому капитану «Стратмор», и его прародители не выбросили на улицу, как белодомную собаку, а дали теплое местечко на складе. Ну, чего нужно этой молодежи? И Джим — весь его товарищи совсем иной

закваски, из иного теста, чем старый Мат. Никакого чинопочитания. «Мы не рабы!» Конечно, но хозяин вас кормит, платит, и вы должны его уважать. Правда, хозяина теперь нет; то есть он есть, конечно, где-то там, в Бостоне, это правление директоров. Мат не согласен с тем, что это не является капиталистической ходой. Прежде был Купер, а теперь что-то отвратительное — правление. Но это все равно; еще из прошлой известно: «некусай руку, которая тебя кормит» — эту истину усердно вбивали в голову ребятникам в школе. А эта беспадлонная молодежь того и гляди гороронит укусить хозяйскую руку. Заработка сильно повысились; во времена Мата зарабатывали вдвое меньше. Жизнь вздорожала? Понятно: раз повышается заработка, дорожает жизнь. Затем — с этим даже молодежь не может спорить — улучшились жилищные условия. От старых бараков не осталось и следа. Миттингроу из поселка стал городком хота куда: 5 кожевенных заводов, 9 шерстопрядильных. Большинство рабочих обзавелось стандартными домиками и быстрыми «Шевроле» — все в кредит. А кто не устроил долгосрочный кредит с погашением ижалованной! Фабрика. Ага! Сама фабрика разрослась. Новые корпуса, новые машины, два конвейера с сортировочной, венилаторами.

Потом, конечно, рабочие, вставшие и рабочие — так думает Мат и недоумевает, чего еще нужно молодым?

Син больше не спорит с ним, только устало поклоняет плечами и отходит. Это бесит старика. Нет, ты послыши, ты доказай!

Мат любит доспорить, но спорить не с кем. Вся фабрика резко делится на три группы рабочих: старики думают так же, как Мат, с ними спорить не о чем. Союзная молодежь — вот с кем бы ни-

тересно спорить — отмахивается от стариков, как от назойливых муах: у нее свои дела, какие-то книшки, кудрявые слова, и думают они не так, как другие. А третья группа — большинство — ни о чем, кроме заработка, приработка и еды и говорить-то не может, соглашается со всем, что им не толкуй. Своего мнения у них нет; они заняты одним: копят на черный день, работают до полного изнеможения (администрация добра и никому не отказывает в сверхурочной работе) и копят, копят. С кем же тут спорствовать?

Пробовал Мат на старости лет посещать собрания различных сект, но скоро обнаружил, что войросы религии его совершенно не интересуют, а от пения гимнов разбалывается голова.

В общем, Мат считал бы себя вполне счастливым, наайди он достойную жену, и женился бы на ней.

Фабрика процветала. Фабрика не успевала выполнить заказы. За последние годы издательства стали понимать ту простую рыночную истину, что одна и та же книга, напечатанная на хорошем и плохом бумаге, привносит совершенно разный доход и мелочи часто покупают книгу за 3 доллара только потому, что она напечатана на «бей империал», а не на газетной древесине.

Смекнули и коммерсанты, а прежде всего производители неких сортировочных товаров, нуждающихся

в усиленной рекламе, что проспекты, каталоги и циркуляры на пергаменте или толстом японском полуверже внушили доверие. Отсюда — оборт, отсюда — процветание.

Больше всего пользуются изложкой из этого

«Стратмор» Константина

специально переведенной все производство на выработку исключительно дорогих декоративных сортов.

Но дорогой сорт

тем и отличается от

дешевого, «массового,

что требует большего числа процессов, большая внимательность. А конвейер не ждет. Вентиляторы волют впусту: и 10% пыли не высасывают из помещений, где десятки женщин сортируют трикотаж. Трикотаж — это и копеечный, и копейка сатана.

— Скорей, скорей, — кричат правление по телефону.

— Скорей, скорей! — кричит директор.

— Скорей, скорей! — покрикивают мастера, и механик ускоряет движение бесконечной ленты.

Кашляют, задыхаются в ежкой пыли женщины, пылаются очки, но никогда протереть их, некогда утереть пот со лба. Конвейер кричит. Скорей, скорей! И в отчаянии сбрасывают сортировщицы затуманные очки и пыль ест глаза и смешивается с каплями пота. Вздохнуть бы, разогнуть бы спину.

Некогда, некогда, скорей, скорей!

Ни одно звено в цепи не смеет отстать.

Не спрашивают вентиляторы и варочкой. В кислом угларе шалеют рабочие. Но все новые и новые груды трикотаж и целлюлозы подают рабочие.

Не спрашивают вентиляторы и варочкой. Скорей, скорей!

Сукины дураки, за рулоном откатывают в сторону. Хрипят и тужут пока тяжелодушных развалов. Скорей, скорей! Слав мотор! Удвоить силу. Тутился ножки? Ничего. Нельзя останавливать на смену. Пусть заминяется край. Пусть растет брак. Ни на минуту не задерживать.

Ждет потребитель, мещанин, превращающий гнилые мази, от которых вылезают последние волосы, в слизидные текущие счета в банке.

Ждет автомобильная фирма, дающая вам автомобиль чуть не даром в долголетнюю рассрочку: давно брошена машина на клад-

Американская позиция разгоняет демонстрацию бастующих текстильщиков.

¹ Сорта бумаги.

бнице, а потребитель все еще выплачивает свои взносы, соблазненный роскошным видом изобилия «олд саксон». Ждут тысячи бывших заочников биржевых, хотевших на солидном «весте» начинать со «стаси» автодилеры, циркуляционисты, «олдт комбайники, мебельщики, фруктовщики, паркодилеры, кондитеры, строительные конторы, тортовцы движимым, недвижимым и всем, что можно превратить в пухлые пачки долларов.

И на все это нужна бумага, роскошная, дорогая бумага. Поэтому торопятся машины, плачут и слепнут от пыли работницы, озабочиваются молодые рабочие, виды дьявольскую эксплуатацию товарищей, продают за гроши здоровые скопидомы, и некогда Мату не только послорить, но даже вздохнуть от беспредельных кин. Только успевай наливать ярлыки, где уж тут досмотреть за браком, за качеством, когда на дворе ярятся грузовики, строят и далеко на ветке призываю лягут буфера вагонов.

Скорей!

Скорее-е-е!

Кризис разразился вдруг, неожиданно. Где-то кто-то нажал кнопку — и сотни рянических медведей¹ были окружены тысячами воющих быков², и произошла невероятная вещь: быки слопали кедровые. Биржа превратилась в сумасшедший дом. Крахнули сооружения, падают здания, падают машины, падают автомобили, падают трубы, бессмыслицей другие дела, рассчитанные на кредит и солидный проспект. Потягив биржевые сотни тысяч мелких держателей акций. Такого падения бумаг не было еще за последние пятьдесят лет. Охуя Нью-Йорк, въехал спаскуант Чикаго, стон прошел по Бостону. А вашингтонские оракулы слабо помахали намакоренными ручками и дали приказ резервному федеральному банку не вмешиваться в грязное дело.

Оракулы оказались правы; подобной необыкновенной паники давно уже не было. Стартовало спасение акции нефти, сахара, железа, золота и прочих устойчивых ценностей, на которых вырос «королевский народ биржевой игры».

Кризис грянул как гром, и страшные зарини заблестели над всеми уголками страны. Докладывали гроза и до скоростного индустриального центрига — Миттингро. Пораженный в жизненный центр, Бостон застыл в параличе и парализован весь округ. Паралич продолжался только неделю, но этого было достаточно, чтобы остановились три кожевенных завода и семь из девяти шерстопрядильных суконных фабрик — в Миттингро.

Но бумажная фабрика работала с полной нагрузкой, исколебав тем самым, без директив остановленного правительства, по инерции выгоняя тонну за тонной на дорогах ненужных сортов.

По городку ходили растерянные толпы кожевников и ткачей, и Мат прямо понятия не мог, откуда в городе оказалось столько людей. Пока рабочие закрывавшие фабрики только бродили по улицам, не зная, куда деваться от вынужденного безделья; кое-кто уехал в Бостон, но живо вернулся обратно в полном ужасе, несся сметающим в струе безработных.

На следующий день директор бумажной фабрики вынес приказ привлечь: «входи — и так далее...» увольняется 40% рабочих, жалование остальным снижается на 30%, сурхорные отменяются вперед до распоряжениями.

Большинство бумажников просто оштрафовано, так же, как оштрафовали кожевенников и текстильщиков, когда, приду на работу, увидели запертые ворота; они не протестовали, они еще толком не поняли, что произошло.

Но виновато ожидая этого случая, развернувшись молодежь. После гудка высматривали во двор рабочие училища, что ворота заперты. В четырех углах двора появились щиши, на них вскочили молодые рабочие и развернулся стихийный митинг. И в первый раз яростно заспорили и молодые, и старики и ко всему, кроме дольщиков, безраздельные скопидомы.

— Ага, взяло за живое! — злодарю кричала молодой рабочий. — Когда других выгоняли с фабрик, когда весь город наполнялся безработными, вы козячали, а теперь, когда половина из вас выходит из училищ, вы козячали.

Его злые слова потонули в хоре возбужденных голосов. Одни из других высказывались рабочие, не прыгавшие говорить публично, впервые, может быть, пытающиеся сияя излагать свои мысли. Говорили пустяки, не на тему, терялись сами и других сбивали с толку. Все жаловались — ничто ничего не предлагало.

— Дайте мне сказать! — кричал Мат.

— Слушайте Мата, — поддержали старики, а за ними и окончательно потерявшие голову «дикис».

— Вздох болтает старина! — кричали молодые, но сами же поддакивали Мата на тему, что он говорит.

— Ребята, — сказала Мат, — я здесь работаю тридцать пять лет и ни разу не видел от хозяина обиды. Фабрика процветала. Мы хорошо зарабатывали и хорошо получали.

Молодежь насмешливо засмеялась, но Джим, сын Мата, с горячими глазами остановил товарищеский.

— Пусто говорит, потому мы ответим.

— Вот, ребята, сейчас у хозяина заскодило. Трудно ему нас всех содержать. Мы должны помочь ему, как он помог нам.

Кто-то из молодежи попытался опять не держать, систину.

— Теперь, так, кому угодно? Давайте покажем хозяину и всем по справедливости. Производство наши такое, что ни одному цеху целиком захочется кельзя. Значит, из каждого цеха

должна уйти почти половина. Вот я и предлагаю: первыми должны уйти все старики. Потом те, у кого в семье есть работающие. Пусть сядут и одни.

Поднялся общий крик. Все говорили сразу. Сидел с ящиками и на обсоедибшейся местности вскочил Джим.

— Товарищи! — крикнул он, и шум стал стихать. — Я вижу, что вам самим никогда не решить дела. Так послушайте, как решали такие дела другие. Вот большинство из вас и знать не хочет союза, а теперь даже наш желтый продажный союз очень пригодился бы. Пусть старики бормочут о холмской добре. Мы видим эту добру. Наши сородичи наживали капиталы, приносящий доход. Не о них я скажу вам. Вы слыхали про такую страну: Россию? Там тоже когда-то бывали случаи массового увольнения рабочих. Что же делали тогда рабочие. Они обзывают стачку и совсем останавливали фабрику. Наконец им стало немогомо терпеть издевательства хозяина, они восстали, и теперь вся страна при надлежит тем, кто трудится, а не тем, кто заставляет трудиться. Вот как по-настоящему решаются такие дела.

— Большевики! — крикнул старик Смизер.

— Ну, что же? — спросил Джим. — Да, большиник. Ни одна из вас пока не зову на восстание. Разве с вами, единими, сделаем восстание! Пожмите, почмися, а там посмотрим. Теперь надо думать, как уладить дело, чтобы никому обидно не было. Если мы забастуем, нас разгромят войска и полиция. А вот мы скажем хозяину так: вы хотите оставить только третью части рабочих из пятисот и платить оставшимся на третью меньше. А мы предлагаем так: оставьте всех, платите оставшимся на половину, но чур — не гнать как коньейре! Вы в наследие не будете. А мы...

— Товарищи! — крикнул Джим. — Вы...

— Товарищи! — крикнули все, и вспыхнули «дикис».

— Товарищи! — крикнул Джим. — Вы...

Но ему не дали говорить. Ворота распахнулись, и бурлящая толпа бумажников выплеснулась на улицу, смешавшись с толпой безработных кожевников и ткачей.

А на следующий день во время обеденного перерыва на фабрику пришли два полисмена и увезли Джима. На этот раз директор не прятался за спину правления, а через мастеров обозвал по цехам, что будет так же расправляться со всеми, призывающими к бунту.

Об аресте сына Мат узнал только к вечеру. Бросился в полицию просил о свидании, но получил отказ.

Все токи усиленно думал и плакал сухими старческими слезами.

Утром на воротах в списке подлежащих увольнению прочел свою фамилию. К этому отнесся с самому себе испепеленным спокойствием. Продолжал читать список. Сюда, во первых, вошли все колодые, поддерживавшие Джима, а потом — просто первая сотня по фамилии, в том числе многосемейные, женщины, все без разбора.

К Джиму в камеру швырнули кого-то. Человек несколько минут лежал неподвижно, потом сел, обратил свое залитое кровью лицо к Джиму и сказал:

— Здравствуй, сынок.

— Отец? Что с тобой?

— Ну вот, ну вот... — возмутился старик. — Чего ты волнуешься? Я соскучился по тебе и привык. Теперь мы с тобой поспорим, сколько получу за свой труд. Как ты говоришь, поступали в таких случаях русские рабочие... Да, оставь лицо я успею вымыть... Ты мне вот расскажи про русских рабочих. Мат долго не хотел говорить, как ударил он по лицу директора и как забыл его за это мастер.

Очередь безработных перед биржей труда в Наузене.

¹ Биржевики, играющие на повышение (на биржевом жаргоне).

² Поневиделец акций.

ЧЕТЫРЕ БУКВЫ

Очерк Эльвина

У самого входа в Ньюйоркский порт выстает грандиозная каменная женщина. Она облечена в тяжелое, глубокими складками ниспадающее, одеяние. В поднятой руке — факсел. Зовут ее — это известно даже самому глупому из линчумых негров — «статуя свободы».

Но неизвидная слава у этой лады. Еще года три назад один молодой американский пролетарский писатель назвал ее в торжественной одеяне просто-напросто простиуткой. За это тяжкое преступление он угодил на год в тюрьму, ибо Америка есть не страна свободы, а страна — тюремной решотки. Не даром некий остроумный американец воскликнул однажды, указывая на ту же мадам «Свободы»:

— Как символично! Глядите: она повернулась к нам спиной!

Тюремная решотка и электрический стул — таковы непременный реквизит великой южноамериканской демократии, а «лини» одно из популярнейших слов ее лексикона.

Известный немецкий писатель, примыкающий к левому крылу, Эрнст Толлер, автор «Гоп-ля, мы живем», недавно посетил Америку. Он рассказывает о тюряхах, рассчитанных на то, чтобы не было сидельца, а не сидящего в тюрьме 5 в басейне тысяч. Он рассказывает о своих сидениях с революционерами, неизвестность которых в преступлении, им приписанном, признана даже судьями, осуждавшими их. Тех, не менее перед ними — и в е к и — захлопнулась железная дверь.

У Джексона Мак Намара позади — 17 лет заточения и вечное заключение в будущем. Том Мун, Уоррен Билингс, Джон Корнейлисон, Клод Мэрритт, Мэтью Шмидт и т. д. — многим ли говорят что-либо эти славные имена борцов за рабочее дело? Кто поклонит о них, погребенных заживо?

Кто их помнит?

Разумеется — Международная Защита Труда Америки, или попросту американской секции МОПР».

Несколько писем из «желтых домов» страны яники рассказывают красноречивое многих слов о работе МОПРа среди заключенных революционеров.

Сан-Кентинская тюрьма, Калифорния
Спешу сообщить вам, что получила от матери письмо, которое я не могу передать в печати, потому что оно слишком личное, но оно было написано лично вами. Спасибо за ваше искреннее спасибо через меня всем дорогим братьям и сестрам из Марксистской партии, которые помогают мне в моем бедствии и призывают меня к дальнейшим действиям. Яй сделали операцию обоих глаз... Здесь в Сан-Кентине нет свободы, но я верю, что когда-нибудь я буду свободен, когда не будет работ и властей, а мир будет принадлежать трудящимся.

Марксисты хотят помочь, помочь руки, обнять дорогих советских летчиков. Завоевание воздуха сближает отдаленные углы мира. Оно же послужит более тесному интернациональному сплочению пролетариата всех стран.

Южин Барнетт

Барнетт осужден на тридцать лет за революционную работу и находится в тюрьме уже более десяти лет.

Редакция Кооперативного
Международной защиты труда. Ваш чек за август этого получим. Примите мою искреннюю благодарность. Честную себя профсоюзно. Благодарю вас Сальваторе Аккорси

Всей группой с седыми головами нам спасибо за вашу помощь мне и моим друзьям. — Максис Сальваторе Аккорси. — Нью-Йорк.

Напомним: Аккорси — итальянский рабочий, был арестован в гор. Чезинке во время демонстрации протеста по поводу казни Сакко и Ванетти; его обвинили тогда в убийстве милиционера. Ему угрожала смертная казнь. Огромная работа американского МОПРа, мобилизованного тружащегося масла Америки, спасла Сальваторе от электрического стула.

«Гастония» войдет в историю мирового рабочего движения так же прочно, как вошла «Леона», как вошел «Гамбург». С ее именем связана пробуждение одного из самых отсталых слоев американского пролетариата.

Было время, когда горизонты равнины южных штатов Северной Америки почти никогда не нарушались видом фабричных труб. Пришла и миновала мировая война. Аме-

риканская промышленность достигла зенита своего развития. Тогда-то избыточные капиталы американской промышленности хлынули и в южные штаты. В 10—15 лет изменился рельеф этих равнин и холмов. Южные саваны сотнями фабричных городков, тысячами фабрик металургической и, главным образом, текстильной промышленности. Капитал повел себя здесь, как в колониальной стране — 72 часовую рабочую неделю, для неслыханную, ничем не ограниченную эксплуатацию, исключительно дешевого труда. Это было осуществлено тем легче, что молодой пролетариат юга, в большинстве связанный с деревней, с земледелием, лишен элементарного понимания классовой борьбы и еще всецело находится во власти религиозных ирасовых предрасудков. Капиталисты Америки питают к югу нежные чувства.

Вот почему, когда по этому солнечному болоту безмятежного классового мира и звериной эксплуатации пошли круги матежа и круги те становились все более мощными,

Похороны тов. Стёны Котовича в Америке.

Подготовка к нападению на СССР не прекращается ни на минуту. На снимке буржуазные женщины в Англии, обучавшиеся военному делу.

когда зашатались извечные устои царского юга и рушилась золотая легенда, — дико взывала буржуазия, спустив всех ценных со-бак своих на забастовавших рабочих.

Дальнейшее известно. У всех еще сохранились в памяти знаменитая волна забастовок, нападения полиции и фашистских банд на лагерь забастовщиков, убийства, ранение десятков рабочих, смерть начальника полиции Эдерхольта, угроза смертной казни 23 революционерам, бурные протесты и манифестиции во всем мире, блестящая победа рабочей солидарности, заставившей прокурора и суд отказать в обвинении передавшим в плен капиталистами, чтобы избежать казни, прошел, завершившийся сиянием 107 годами тюремного заключения для Фреда Байя и его шести товарищей.

Мы говорим — победа рабочего класса. Но нужна была огромная организация общественного мнения рабочих, нужна была колоссальная работа по оказанию помощи бастующим и арестованным. Этой работы было проведено МОПР'ом. Не даром падники МОПР и Межрабионая являлись объектом особенно остервенелых набегов полицейских банд.

МОПР сделал свое дело в Гастонии, он продолжает его и сейчас, добиваясь пересмотра дел, внося запросы за арестованных и т. д.

«Красная Помощь» в Германии родилась в буре 1923 и 1924 годов, в дни крайнего обострения классовой борьбы, когда на местах были организованы сотни комитетов помощи заключенным борцам революции. В начале лета 1924 года эти комитеты были объединены и назначена «Красной Помощи» было положено. За эти 10 лет «Красная Помощь» в Германии выросла в организацию, насчитывающую 180 тысяч индивидуальных членов и 360 тысяч колlettivных. Этого, конечно, недостаточно. Начало минувшего года ознаменовалось внутренней борьбой в руководящих органах германского МОПР'а — в связи с возникновением в Центральном Комитете сильного ядра правых. Потребовалась мобилизация членских масс для преодоления правого оппортунизма. Разумеется, это не могло не отразиться на росте организации. К тому же, именно в последние годы социал-демократия и буржуазия с особенным остервенением

ем нападают на организацию МОПР'а. Вступить в активные члены МОПР'а, значит выступить за предпринятия, где работают, значит очутиться в рядах многочисленной армии безработных.

Основная работа германской секции МОПР'а, как и большинства других — идет по следующим линиям: помочь узникам и семьям, организация юридической защиты, помочь политзимигрантам, главным образом, из Италии, кампания по ряду вопросов (например, кампания за амнистию, кампания Сакко и Ванцетти, кампания помощи жертвам майских расстрелов в Берлине и ряд других кампаний германского и международного характера).

К числу блестящих операций нужно отнести помощь, оказанную МОПР'ом берлинским труборукладчикам.

Их было 3.000, но они стоили многих. В течение ряда месяцев выдиривали они, несмотря на распыление по многим мелким предприятиям, слабый напор тройственного врага: полиции, реформистов и капитала. Но борьба 3000 оказалась возможной, главным образом, благодаря той крепкой стечки симпатии, которой рабочий класс окружил горе борцов. И лучими каменщиками, воздвигнувшими эту стену, был германский МОПР. Он писал в те дни:

«Руководители стачки берлинских трубопрокладчиков 19 октября вынуждены бороться. Враги хотят обезглавить борьбу. Рабочие, помимо угрозы, напавшей над вами. В вашей экономической борьбе вам надо преодолевать трудности».

Как в историю, которые стремятся обессмысливать политическим террором, фабричным шпионажем. Фашистские фабричные организации, находящиеся на содержании у хозяев, и банды штрафбоехров. Полиция, систему арбитража, которая зарабатывает вас. Реформистскую профсоюзную бюрократию, которая, прикрываясь, лозунгом хозяйственной демократии, пытается обезоружить рабочих перед Фашистским террором.

А теперь враги призывают на помощь и юстицию. Судебный террор в Гастонии должен быть предупрежден и для вас, рабочих Германии. Германские капиталисты будут ахеронские методы. Никогда еще право германских рабочих на стачку не

подвергалось столь большой опасности, как сейчас, под властью социал-демократии. «Красная Помощь», как организация борьбы против классовой юстиции, призывает массы германских рабочих мощно и солидарно протестовать против нового похода. МОПР не ограничивается возванием. Слово у него не расходится с делом.

В статистике белого террора, которую ведет МОПР, на первом месте, далеко обогнав прочие страны, сорвавшиеся за счет захватить это первое место, стоит гонконгский Китай. Число казненных за время, ис текшее после переворота Чан-Кай-Ши, — и казненных — определяется сотнями тысяч. В Китае свыше 100 000 семейств казненных и убитых революционеров, нуждающихся в помощи. В китайских тюрьмах — 30 000 политзаключенных. Десятки тысяч, скрываясь от ареста «немножему» в случае понюки — казни, считаются по стране, переходят из города в город, из провинции в провинцию, покрываая сотни и тысячи километров, стремясь проникнуть в те провинции, где существует советская власть.

Китай — Чан-Кай-Ши, Италия — Муссолини, Польша — Пилсудского, Румыния — страхи латинской Америки, и т. д. и т. д. — всего 27 стран, где МОПР работает и подполье. В 22 других странах он работает более или менее легально. К числу последних можно отнести Чак-Бутто и Мексику. Но вот красноречивая и жуткая телеграмма, полученная на днях Исполнкомом МОПР'а из этой страны «легального» МОПР'а: «Халало (штат Верса-Кру) расстреляны член ЦК Мексиканского МОПР'а Роберто Целис и 4 других товарища. Поводом для казни явилось провокационное обвинение в заговоре против президента Ориеса Рубио. Как только стало известно об этой чудовищной расправе, политзаключенные Мексики-Сити обливали головы кровью и призвали весь международный пролетариат к протесту против кровавого преступления наемников американского империализма».

Таких «легальных» МОПР'ов — не мало. Мировой подъем рабочего движения вызвал ответную волну белого террора, во всех его многообразных проявлениях.

ИЗ ДНЕВНИКА „ЖЕЛЕЗНОГО ФЕЛИКСА“

(Продолжение дневника. Начало см. в № 5 „Смены“.)

Тюремный снимок Ф. Э. Дзержинского, сделанный в 1902 г.

до 4-5 часов после обеда, после этого назначаются на другую работу. Вот причины, почему они часто грубы, сердиты, видят в нас врагов пытаются скратить время прогулки и хотят нам насылать, но их сдерживает опасение скандала.

Впрочем, таких, которые по собственной инициативе призываются, весьма мало. Такие очень часто наблюдают в «глазах», заставляют заключенного долго ждать открытия дверей, но большинство это усталые и измученные люди и заметно, что они боятся начальства, что они сами тяготятся жесткой дисциплиной. У меня было не мало случаев сочувствия с их стороны. Повидимому, это были люди, служащие еще недавно и еще не успевшие полностью подчиниться существующему здесь режиму. Однажды я сказал одному из таких жандармов, что мне перенесли книгу. Он тотчас же обратился к другому, случайно проходившему по коридору, и спросил: «Пришел ли персонал и им, и офицерам?» В другой раз, во время прогулки, когда мне показалось, что жандарм хочет повести меня уже обратно в камеру, я обратил его внимание на то, что осталась еще одна минута. Он возмутился, что я могу подозревать его, что он хочет отнять у меня минуту прогулки. Причем это им было сказано таким дружеским тоном, что мне стыдно стало, что я отвечаю: «Среди вас разные встречаются».

В этом мертвом доме так трудно начать разговор с жандармом... Характерно, что когда заключенный случайно встречается с заключенным, они не могут начать разговора. Однажды жандарм упали на виду, что в уборной находятся один из заключенных, и повел туда другого. Заключенный, заметив это, повернулся обратно в камеру, и я слышал, как он сказал жандарму: «Там уже есть кто-то! Был и со мной случай, когда я наткнулся в коридоре на заключенного, и, заметив его, издали, я подогнался в коридоре и крикнул ему: «Здравствуйте, товарищ!». Он, ошеломленный, только

здесь теряется уверенность в себе, умение начать и вести разговор. Здесь чувствуется смерть. Жандармы друг с другом и с прислугой в коридоре разговаривают шепотом. Тишина... Эта тишина, как могила, наавливается на всякого — и на заключенных и на жандармов.

22 мая. Сегодня я впервые размел сидение. Получил цветы. В канцелярию и из канцелярии я проходил по коридору смертников. В данный момент сидят там два человека, так как тут несено два обеда. Я уверен, что сидящие здесь приговорены к смерти, так как, кроме жандарма, в коридоре дежурят солдат с ружьем... Оттуда, с воли, друзья мне шлют приветствия и шествуют бодро вперед и действуют. Я вижу их всех... Много их, очень много. Одни, как я; другие еще живы, а еще иные — далеко, но мысленно, с сердцем и всей своей работой — они здесь...

Моя соседка, Ганка, сегодня грустит. Я послал ей цветов. Она мне простучала, что меня любят. Бедное дитя... Она страшно тоскует.

26 мая. У Ганки вот уже неделя, каждый день кровотечение горлом. Ей предложили перейти в больницу, но она отказалась, а у меня нехватило храбрости уговорить ее, так как в больнице она будет уже совсем одна, даже за стеной у нее не будет близкого человека. Может быть, она вовсе не умрет и кровотечение пристановится, ведь, она еще так молода и жизнерадостна. В

здесь таких много. Это солдаты на посты и жандармы-блокчики. Но мы не в состоянии подступиться к ним. Все разговоры с ними воспрещены, а господствующий здесь режим лишает возможности нарушать это запрещение. Да и предлога или заслуги для разговора с жандармами нет. Жандармы, как враги, а солдаты мы только видим. В коридоре три жандарма сменяются каждые 4 часа, дежурить каждому жандарму приходится раз в 10-15 дней, и поэтому, весьма трудно узнать, кто из них может воспринять скандиновку, а кто не воспринимич, а кроме того — у них работы по горло с выпусканием нас на одинаковую в уборную на прогулку, на свидание, с открытием дверей для обеда, для того, чтобы поместить втулку, доставить хлеб, уксус и т. д.

И дают жандармы, выводящие заключенных на прогулку с утра до 4-5 часов после обеда, после этого назначаются на другую работу. Вот причины, почему они часто грубы, сердиты, видят в нас врагов пытаются скратить время прогулки и хотят нам насылать, но их сдерживает опасение скандала.

коридоре она всеобщая любимица. Даже жандармы уже не покрывают на нее и оказывают ей маленькие услуги: один из них надолго разговаривал с нею и выразил ей сожаление, что она сидит одна... Надеялся сидят друг заключенных и сегодня, словно нарочно, она целый день бегали и тяжелыми сплющиваниями стучали над ее головой. Она в окно кричала им, чтобы они прекратили это хождение, что у нее голова трещит, но они, повидимому, не рассыпали ее слово и продолжали беготню. Только вечером они перестали ходить. Повидимому, дежурный жандарм сообщил им о ее болезни.

31 мая. Пятнадцать мужчин и одна женщина приговорены к смерти за нападение на посту в окрестностях Соколова. Ганке вчера вручили обвинительный акт. Ее обвиняют в воровстве в рукоятие боевым отрядом, нападении на поезд на станции Романово, покушении на Скалана (генерал-лейтенант) и др. Ей сказали, что ее ждет веревка, и что Скалан заявил, что она умрет смертным приговором: «Она и так слишком долго живет».

3 июня. Вечером опять восьмь человек приговорены к смерти. Ганка сегодня вызывали в канцелярию, оттуда она вернулась возвращение, часто смеялась. Пришел начальник тюрьмы со шпицами и предложил ей на выбор: или выдавать — и тогда ее ждет только вечная категория — или ити в казнь. Охранник указывал на то, что она молода, красивая. В ответ она разразилась смехом. Выбрала первевку...

4 июня. Вчера казнили приговоренные за нападение в окрестностях Соколова. Ганка сегодня не поет. Она упрашивает себя в том, что она пела в тот момент, когда та казнилась. Она спрашивала меня, где коридор смертников, сказав, что она хотела бы уз там быть. Когда ее будут вести на казнь, она будет петь «Красное знамя».

5 июня. В 10 час. вечера привезли на суд двух родичек. Оба приговорены к смерти. Когда Ганка крикнула им из своей камеры: «Всёкоре увидимся. До свидания», они стойко отвечали: «Держимся крепко», а жандармы дрожащим голосом шептали: «Будет, будет».

Ганка сегодня в особенном настроении. Сильно возбуждена, больна, не состоящая в связи, ждет, чтобы все это кончилось как можно скорее. И все же она не может спокойно забыть об обиде, она упокоена обиженностью, как вести себя на суде, чтобы приговор ни в коем случае не был изменен «кто борется, должен побеждать», сказала она мне. И ее спокойствие передалось мне. Кто живет, тот должен умереть, а кто умеет так любить жизнь, суммет умереть, не отравляя отчаянных последних моментов жизни.

И если бы нащели кто-либо, который бы правдиво описал весь ужас жизни этого мертвого дома, кто бы описал борьбу, подъем настроения и надлом замурованных здесь и обреченных, кто бы изобразил, что творится в душе томящихся в заключении героев и подыхающих и обыкновенных людей, в душе обреченных и ведущих на высилицу, тогда бы жизнь этого дома и его жителей сделалась величайшим оружием и светлнейшим факелом в дальнейшей борьбе. И поэтому необходимо собрать и сообщить людям не хронику приговоренных и жертв, а жизнь, все содрогание их души, благородные подъемы, их великие страдания и радость мук — правду, всю правду, заразительную, когда она красива и могущественна. Это может сделать только тот, кто сам много страдал и много любил. Только он сможет открыть и изобразить содрогание борьбы души, а не те, которые у нас составляют некрологи.

Коллегия ВЧК с тов. Дзержинским

7 июня. Ганке сегодня сообщила защитник, что ее дело будет слушаться через четыре дня и что ее ожидает виселица. Она злится и нервничает, что ей четыре дня приходится ждать.

12 июня. Всем радиочленам заменили виселицу катрой. Мне сообщали, что, несомненно, и к Ганке это будет применено.

28 июня. Я давно не писал, Ганку перевели в камеру на другой стороне коридора. И я могу сказать, что на Смешную смертную казнь ей приговорили пожарный катрой. Заключенные обзывают это тем же словом. Стало нечестно было утверждать смертный приговор по делу о покушении на него же, но что следующий приговор (а за нее еще 7 дн.) он утвердит.

2 июня. 29 июня перенесли Ганку из нашего коридора. Я ее виду только таком, в фоторочку, когда ее выводят на прогулку. Дело ее слушалось 30-го. Кажется, что ее приговорили к смерти, так как она проводила руки по щеке.

Опять много заключенных в

капиталах. Несколько из них — дети. Небольшого роста, без всякой работы, живут на продовольствии, на вид им не более 15-16 лет. Одни из них не может ходить — еле шевелится. Он сидит на скамейке все небольшое время, отведенное для прогулки. Другой не прикрепляет цепи к повозке, и она волочится по земле. Другие зато, наоборот, гордо несут капиталы, ходят с высоко поднятой головой, позываясь цепью.

На днях у меня было маленько развлечения — было в уборной, жаждет удастся это во виду и приведет к радиочленству. Капиталы было такое удивление, когда мы там встретились. У него уже три смертных приговора, всякий раз замененных 20-летней катрой. Он ожидает двух приговоров по 15 лет за участие в подкопе под тюрьму и за принадлежность к левице ППС¹. Другой, сидящий с ним в одной камере, тоже приговоренный к смерти — противородитель Левица ППС, противника террора.

Жандарм заметил свою ошибку, но не разогнал нас и улыбаясь, уводя меня в камеру.

6 июня. Сегодня Ганку увезли из Х павильона. Проходя мимо моей камеры, она крикнула: «До свидания. Меня уже совсем увоять». Жандарм крикнул: «Молчи, разговаривать нельзя».

7 июня. Ганка все еще здесь.

Я видел ее на прогулке.

29 июня. Было много заключенных 14 человек. Одни из них, направляясь в кузнечную, горюко удались, сказав прохожавшим: «Господи, сию свободные шаги». Моя соседка Судима — несчастливая женщина, хотя и говорит, что чувствует себя хорошо и поет по целям дням. Ее отец — казнен, мать умерла в тюрьме, один брат в тюрьме в Седлецах, другой в четвертом форту цитадели, и только 14-летний брат, недавно освобожденный, остался один дома.

28 июня. Ганка сидит в одной камере с женщиной, которую обвиняли в предательстве. Поневидому, она лгала, и теперь я уже не верю в то, что она виновна, и не преувеличиваю, хотя сама очевидно права в то, что она виновна.

29 июня. Сегодня во всех камерах закрыты окна и заколоты гвоздями. И опять камера пришла вид гробы: не видно ни неба, ни деревьев, ни листочек. Даже свежего воздуха лишили. Говорят, что это было вызвано тем, что заключенные переписывались друг с другом, спуская из окон письма на веревке. Говорят также, что вновь назначенный заведующий отказался принять тюрьму, если окна не будут законопачены. Вчера открытие окон было официально разрешено, сегодня они заколочены гвоздями. Тяжело. Кое-кто по-

думывает о протесте, о борьбе, быть может дело будет доведено до скандала, но теперь все это уже не поможет: окна будут заколочены.

11 августа. То, что более всего здесь угнетает, с чем заключенные не могут примириться — это таинственность этого здания и жизни в нем, это режим, направленный на то, чтобы каждый знал только то, что ставится исключительно к нему и то не все, а как мало, меньше. И заключенные всеми силами борются, чтобы спрятать эту засеку таинственности. Этим же образом объясняется почему заключенные усиленно пишут записки по адресу, из-за этого они усиленно кашляют на коридоре, поют и свистят в камерах. Создана целая система сигналов. Для записок подсыпаются новые места, когда прежние проваливаются. Есть заключенные, которые довели до совершения приемы сплющений, полностью поглощены этим и этим только живут. Из переводят из камеры в камеры, пытаются уходить из нее, но не могут продолжают свое дело с прежним усердием. Если уже все путы преграждены, они во время прогулки или находясь в уборной, подают весомые условные знаки. Жандармы, чувствуя, что они в этом беспомощны, в конце концов машут на них рукой и ждут, когда их уведут отсюда. Эти люди знают обо всем. Когда сведений мало, они пополняют их своей самой фантазией. Отсюда — все эти неверные истории из которых возьмут или высокомерие из пальца. Но это не вредят. Все пускается в оборот и, как бы там ни было, сила таинственности этого здания поддается. Но в этом вопросе есть и обратная сторона. Получилось сообщение, что охранка прислала сюда шесть шпионов и среди заключенных есть провокаторы. Началась слежка. Случалось, что таких лиц разоблачали, но случалось и то, что заподозрили совершенно невинных.

Недавно, когда один из арестованных офицеров гулял с одним из новичков, из окна уборной кто-то крикнул: «Это шпик». Или вот Ганка. Она говорила о двух женщинах, как о предательницах, а после сидела с ними в одной камере и относилась к ним как к товарищам. Создалась атмосфера издерганных, испуганных людей. Каждый замыкается в себе. А шпионов здесь действительно много. Здесь так часто меняют товарищей по камере, что становится очевидным, что это делается с определенной целью: дать возможность не обнаруженным шпионам раззнать как можно больше.

Несколько дней тому назад я в окно увидел уже разоблаченного провокатора, гуляющего с только что прибывшим из провинции заключенным. Это крикнул: «Товарищ, это такой-то». Но другой день они уже вместе не гуляли. Но так же, как я поступал с настоящим провокатором, можно поступить и с неизвестными. И новый, я сам знаю, является настоящим провокатором и обманщиком. Я сам знаю, что фамилию первой предавшей женщины, мне были известны и некоторые подробности ее предательства. И вот я узнаю, что находившаяся здесь и прекрасно державшаяся близко знает некоторых лиц, которых знала та; что некоторые черты ее характера напоминают ту, — у меня зарождается подозрение, и оно все усиливается, и усиливается. Само собою разумеется, что я ни с кем не поделялся своим подозрением, и я делаю все, чтобы проверить это. Я мог уже раньше сделать, но мне самому стыдно было за себя, за свою подозрительность.

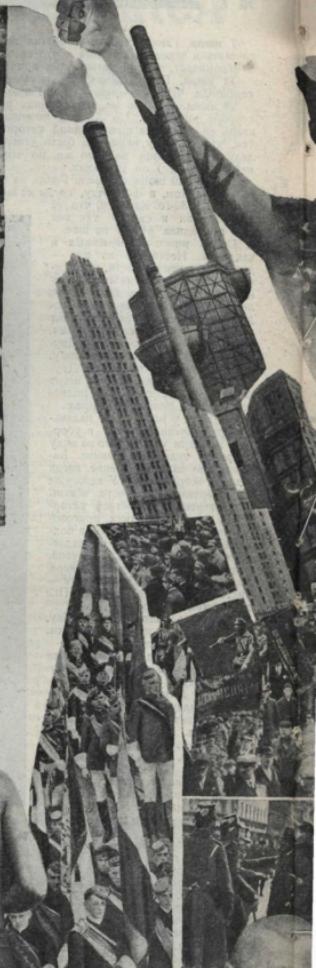
¹ Польская партия социалистов.

ВЫ ВЫПИСЫВАЕТЕ В РАССРОЧКУ ЖУРНАЛ „СМЕНА“ (ПО 3-МУ АБОНЕМЕНТУ)

Помните, что 15 марта истек срок очередного (второго) взноса 2 руб. 50 коп.

Очередной взнос сделайте немедленно по месту сдачи первоначальной подписки. Не медлите во избежание перерыва в доставке вам журнала.

Головокружительный мировой экономический кулаческий обострил империалистические противоречия белого колягина. Обостряются противоречия между СССР и империалистической монополией. У нас — строительство колхозов и совхозов, академики и генетики как классы, социалистические передела сельского хозяйства, и рост империалистической аграрной близости, и рост империалистической аграрной близости. У них — гибельные социальные базы, и развал империалистических армий в СССР. Отсюда все усиливающиеся наступления империалистической монополии на позиции социалистической власти.

вой системой. У них—ростущий кризис промышленности. У нас—объединенное продвижение к социализму, неслыханный темп осуществления плана великих работ. У них—сочетание трудаящихся к Стране Советов. У нас—величайший подъем творческого антуража масс. Отходит новый исторический этап, бешеной ненависти буржуазии и ее социал-фашистских сил на конгресс мирового пролетариата—Советский Союз. Оно мобилизует социал-фашизма, социал-фашистскую профбюрократию для борьбы против рабочих.

НАСЛОМ

Рассказ Игоря Козлова

Рисунки В. ЛЮШИНА

Всякий раз, когда жизнь заставляла Никиту Филипповича Да-нилова обращаться в учреждение, он чувствовал себя так, как в те отчаянные минуты, когда тяжело нагруженный подвода, бывало, зависший одним из колес глубокой и коварной выбоине, — он бе-гает сквозь сон, не спеша, по чём попада, выныывает из сна, — а подвода ни с места.

Правда, в учреждении нельзя было так открыто и полно выражать свои чувства, как делал он это на улице, но тем труднее было переносить их, и чтобы набраться достаточно сил, он по пути в учреждение заворачивал обычно в магазин Центроспирта и, купив с кем-нибудь пополам сороковку, залпом выпивав свою меру, закусывая огурцом.

И на этот раз он не изменил своему обыкновению, но, очевидно, сильно изменили ему. Выпив, он не ощущал обычного призыва бодрости. Наоборот, показалось, что вместе с водкой влился в себя долю густого и едкого дегтя, — так тесно и черно стало вдруг в груди у него, отчаяния он хватил еще порцию, но и это не помогло. Тогда он цедро, звучно сплюнул и с размаху раскотынил булавку о мостовую.

От разочарования как, борода зашатая, — задумчиво сказала ему вслед торговка огурцами.

Борода у него действительно была злая, — очень редкая, черная, в жестких завитках. И, вероятно, вид ее наводил на мысли о темных и недобрых делах, потому что барышня из спрашивающего, понимавшая всех с полуслова, на вопрос, куда ему обратиться, не задумываясь, механической скороговоркой ответила:

— Суд следующая парадная налево, пятый этаж.

Никита Филиппович мрачно удивился:

— На что мне суд? У меня дом отбирают. Я в девятнадцатом году...

По коридору дальше, комната номер десять, арендная часть — не дослушав его, так же быстро оттартарировала башнича.

В комнате номер десять Никита Филиппович выбрал стул побольше, видом посыпавший и подошел к нему. Бледнющий молодой человек, колдовавший над бумагами, вопрошающе изогнувшись, черную бровь и, пустым взглядом повинувшись на бороде Никиты Филипповича, так и остался спросил:

— Что скажете?

— Да насчет долгу я...

— Какой дом?

— Дом номер сорок.

— Улица?

— Чугунная улица.

— А где строится Дом Культуры?

— Угу...

— Ваш дом подлежит сносу.

— Это нам известно. А вот что мне за него заплатят...

— Обратитесь к заведующему, — набегая пасечами на голову, сказал колодезный человек, взглянув его спешно сорвав с бороды Никиты Филипповича, и тот увидел перед собой сначала светлую середину черных волос маскашку молодого человека, потом его длинную руку, указывающую на дверь в соседнюю комнату.

У заведующего было бабье румяное лицо с большими упрямым лбом под густо взбитыми волосами. Он громко сосал короткую трубку и, высунув Никиту Филипповича, крикнул в соседнюю комнату, чтобы ему дали дело. Когда дело принесли, он долго листал его, поминутно зажигая тухнувшую трубку, наконец, вытащил из него свою руку и, схватив плонуу через плечо в плащевую, спросил:

— Ну и что же ты хочешь?

— Я хочу, — сказал Никита Филиппович, твердо опираясь ладонями о край стола, — перво-наперво знать, кто мне денежки заплатит...

— За что это? — спокойно осведомился заведующий.

— Как за что? За дом. Я в него все свои капиталы вложил. А теперь, коли ломать будете, надо мне капиталы эти возвращать. Так я погибну.

Заведующий придавил указательным пальцем огонек в трубке, два раза сосул ее и, притянувшись, посмотрел на Никиту Филипповича:

— Мы все здесь такие дурачки сидим, — усмехнувшись, вдруг с расстановкой произнес он, — такие, можно сказать, дети маленькие, что только на то и годимся, чтобы нас все дурачили, кому не лень.

— Я дурачком вас не считаю, — поправил его Никита Филиппович.

Заведующий вдруг грозно округлил глаза, прищурившись, посмотрел на Никиту Филипповича:

— Дом у тебя в аренде был?

— В аренде.

— Договор истек?

— Истек.

— Так какож же черта ты мне голову морочишь?

Лицо Никиты Филипповича было бледно-серое. И только говорю, что дом мою выстроен был... я в девятнадцатом году все деньги на него ухолол... Потом и кровью его выстроил.

— Не ты его строил.

— А кто же, если не я?

— Рабочие!

Заведующий зажег спичку и пыхая стал раскуривать трубку. Никита Филиппович помочился, потом закурил на палец бороду и, скосив глаза в угол, сказал:

— На вас вон никаких тоже не вами штитай, а рабочими. Однако, если бы я его у вас с плеча снял, как бы вы меня обозвали?

Трубка у заведующего не зажгла, зато он сам вспыхнул.

— Ну! — хрюкну он с гневным придыханием. — Я с тобой говорить не буду, кто мне пиняжак сшил, правильно? Если ты пришел о деле поговорить, так дурака валять нечего. Ясно, нет? Чего тебе еще надо?

С домом что делать будешь? — угрюмо спросил Никита Филиппович.

— Сломаю...

— Знаю... А матерьяль?

— Продадим.

— Цену можно узнать?

Заведующий заглянул в дело, отчеркнул что-то карандашом и сказал:

— Тысяча двести.

Никита Филиппович вышел из комнаты.

В коридоре он остановился у дверей кабинета, закурил папиросу, глубоко вдохнул и дымом вздохнул. Да, выволокли подводу из кабинета было куда легче, чем из своей квартиры в учреждении. На сердце стало еще тяжелее, чем до прихода татарина. Непрерывно заходило громко матерно выругаться на весь коридор.

Вдруг глаз его уловил в конце коридора очертания знакомой фигуры. Никита Филиппович сделал несколько шагов наискречу и узнал соседа по дому, — тоже извозчика, длинного, жилистого татарина.

— Эй, здорово, Татарин! — окликнул он его.

Тот оглянулся, оскалил желтые зубы и подошел к нему.

— Здравствуй, Помещик.

— Что вынюхиваешь? Али заблудился?

— Не забудулся, Помещик, а дом твой покупаю.
— Вон что! — пропыхнул Никита Филиппович, немножко опешил.
— Разбогател, что ли?

— Сгребтьте нынче буду. Материя нужна. Дорого просят только, вот.

Никита Филиппович мозга смотрел на него, потом спросил, скрипя рот:

— Сколько же просят?

— Тысячу двести.

— Это почему, дорогой?

— Денег нет. Помещик, — вздохнул Татарин.

— Ты так и скажи, что я — дорогой! Да знаешь, что там ни одной гнилой балки нет? Двери, окна... как игрушка дом! Эх, Татарин...

Голос у него вдруг обворвался, он замолчал, согнулся плач, лицо у него пересерло. Татарин понимающе заглянул ему в глаза и, вздохнув, сказал участливо:

— Что сделаешь, Помещик. Всему свою судьбу свой каюк.

По его уходе Никита Филиппович закрыл еще папирюс, задумчиво пощипал бороду и вдруг быстрыми шагами направился к кабинету.

Опять ты? — встретил его заведующий.

— Насчет сломки дома, — сказал Никита Филиппович, — пятьсот рублей я дам...

— Это вместо тысячи двести? — заведующий присвистнул.

— Ты, батя, обладаешь нет?

— Таких денег он не стоит, — мрачно объяснял Никита Филиппович, — там ни одной целой балки нет, все гнилье.

— Но это, — сказал он, — ты сочиняешь...

— Сориентиру мне пешего. Он на дрова только и годится. Сгинул с крыши до фундамента.

— Значит выходит, — спокойно заключил заведующий, — что тебя еще надо под суд отдать?

— Это за что? — подкинул голову Никита Филиппович.

— Потому что с твоих слов получается, что ты дом сгнил, разрушши.

— Это я то разрушил, — Никита Филиппович ткнул себя пальцем в грудь, усмехнулся и сощурив карий глаз, — свой собственный дом? А вы видели его когда-нибудь? Я его, как игрушку, сдергивал, гражданин заведующий.

Заведующий выныпал из рта трубку и предостерегающе постучал о стол.

— Ба-ты, — с угрозой в голосе произнес он, — ты меня, батя, и правду дураком считаешь! То у тебя дом сгнил, а то вдруг и трупом оказывается! Это как же понимать прикажешь? Хитрить тут, батя?

Никита Филиппович опустил голову.

— Я семсют дам, — сказала он глухо.

Торговались они недолго. Заведующий три раза зажигал трубку и три раза она тухла. Когда стоял он ее раскуривать в четвертый, цена дома спускалась до тысячи, и Никита Филиппович сказал тихо:

— Ну ладно. Согласен.

Заведующий взял карандаш и, засосав трубку, начал писать что-то в деле, медленно водя карандашом по бумаге. Окончил, он сложил дело, откинулся на спинку стула и, взявшись за спичечный коробок, неожиданно тонким голосом певчево крикнул в соседнюю комнату:

— Гаврилов, заключи договор!

Никита Филипповича Данилова улица звала Помещиком. Откуда пошло такое прозвище — точно едва ли кто мог объяснить. Но при взгляде на грузную его осину, на широкие жесты уверенных в своем силе рук, на крепко задуманным хозяйством — вскором становилось ясно, что богатое прозвище это всегда было также выражением в добродушной, дерзкой, даже смешной форме. Ростом он был средний и ровный, непринужденно раскидывали по нему вместительные прямые службы. А на небольшом хуке двора густо разросся фруктовый садик с зеленою беседкой посередине. В этот бесседке в близкое время, летними праздничными вечерами Никита Филиппович наряду с улицы распивал со своей семьей чай; одевал он тогда синий шевелютовый костюм и фетровую мягкую шапку. И, вероятно, фетровая шапка тоже имела отношение к происхождению его прозвища.

Сейчас же не помнит Никита Филиппович, когда он в последний раз облачался в праздничные одежды — забытые, лежавшие в сундуке уже многие годы. Раньше содержал он крупный извоз, имел под рукою работников, в башне нарастал у него круглених капитал. Но пришел срок, и внезапно налетевший ураган унес и дом, и лошадей, и все накопленное добро, оставил после себя грязный гул и великую пыль. Отгущенный гулом урагана, ничего не видя сквозь вихревую пыль, Никита Филиппович остబолел от звости и горя. Но вот затихли первые грозные раскаты, постепенно углеглись пыль и чуточку прояснились дали. Очнувшись, Никита Филиппович, не зная, в чем изувечен, в аренду свою дом, твердо веря, что рано или поздно передаст его отцу в руки, в котором добро, — ложился, телегу и наладил племенному хохольству. Но конечно же не до состояния ему было теперь, не до чаю в беседке. Беседка заросла

разных призы, отдана на забаву ребятишкам. От былых времен осталась Никите Филипповичу только дом да глупое прозвище.

А теперь и дома не стало...

Никита Филиппович медленно и грузно стал исходить на крыльцо. Посреди лестницы он остановился, крепко ухватился руками за перила и, подняв ногу, из всей силы ударил каблуком по крылечку. Ступенька осталась целой, в бедре же ноги возникала острая боль. Никита Филиппович поморщился, плонуя за перила, потом усмехнулся.

— Попробуй-ка, передоли, — пробормотал он, входя в комнату.

Из кухни прокуснулся в дверь голова жены. Никита Филиппович, не зная, где на нее прошел, к гардеробу и открыл скрипучую дверь. Тогда жена вошла в комнату вся, — маленькая и испуганная, с засечеными рукавами и спросила:

— Ну, как?

— Что, как? — не спеша отозвался Никита Филиппович.
— О доме узнавал?
— О доме? Дом-от фью! — Никита Филиппович легонько свистнул; — Улетел дом.

— И ничего не дадут? — жена горестно склонила набок голову.

— По шее задут, — разъяснил Никита Филиппович, вешая в гардероб пиджак.

Куда же деваться нам?

Никита Филиппович закрыл гардероб и сел на кровать.
— На луну, — сказал он, забираясь на постель с сапогами.
Обделать сели молча в этот день. Никита Филиппович спал не торопясь, медленно пережевывая пищу, с необычайным спокойствием солил и перчила ее. Все знали, что спокойствие это было деланным, означало приготовление к какому-то важному сообщению и терпеливо ждали его. Жена, шумно и угнетенно вздыхала, со склоненным видом безмолвно хохольничала за столом. Сын, Алексей, широкий двадцатицехлетний парень из-под беззорового низкого

зуб, поглядывал равнодушно то на мать, то на отца, жадно и звучно чавкал. Даже дочерние дети, уловившие, видимо, в общем молчании что-то таинственное, сидели смирно и смотрели на деда так, словно из-за синих его должен был вот-вот вылезти медведь с кольцом на губе или петрушка.

— Ну, вот, — сказал вдруг Никита Филиппович, приставив вику ко концу края тарелки, — твердый и отчаянный стук ее точно призвал к вниманию. Все насторожились... С завтрашнего дня вот ваши хозяева, — Никита Филиппович указал пальцем на Алексея — прошу уважать и смишаться.

Жданов сжал кулаки и сказал это Алексею. Алексей поднял лоб, выкатил глаза и перестал дышать. Жена открыла рот, и из глаз ее пробились слезы.

— Обожди, — мельком взглянув на нее, жестко приказал Никита Филиппович и обратился к сыну: — передай тебе все — подводу, лошадь, хозяйство, — управляйся, как знаешь. Я вам больше не добытчик, — обвел он глазами всех, затем снова повернулся к Алексею. — Налоги будешь платить, все, что полагается, ренту... А, тыфу! — вдруг плюнул он, — какак же теперь к чорту рента?... Сволочь!

Ругань вырвалась из него невольно и явно не в том спокойном и хозяйским его распоряжениям. Жена словно ждала этой минуты, она так и взметнулась на нее, но встала на стул:

— Господи! Чем же ты нас, господи?

— Обожди! — прикрикнул на нее Никита Филиппович и, сняв борю практик, продолжал: — Завтра будем перевозить к Николаю, а уже уговоря, Дом, конечно, пойдет на слом. Вот. Я его купил. — Он тихнул головой, словно сбрасывая с себя что-то, и добавил — свой собственный дом... ну, да ладно... Купил на слом. Ломать буду. И строить. Новый. В Емельяновке — там есть место. Позову инженера — он сделает план... Это уж мое дело. Этим заправлять я буду.

— Последнее-то денекни! — всплеснула руками жена.

— Обожди! — во весь голос крикнул вдруг Никита Филиппович и затрясся бородой. Он встал со стула, замахнулся перед собой рукой, хотел что-то сказать, но крикнул только вновь: — Обожди!

И, повернувшись, вышел в другую комнату.

— Как умирать собрась! — донесся до него плакущий голос жены.

Никита Филиппович захлопнула за собой дверь и опустился на кровать. В комнате, которую он оставил, стояла шум от голосов. Громче всех кричала жена, быстро-быстро ссыпая словами и вывала тонким голосом однообразный, знакомый, жалобный мотив. Изредка раздавался спокойный, деревянный голос Алексея. Ему стало вдруг интересно, как сын относится к своему новому положению. Он напряг слух. «Огурец», возник из шума Алексеев голос. «Почему же огурец?», подумал Никита Филиппович.

— Дурак! — выругался он вслух сына. Ему стало неприятно. Вот подались ребятики, один заревел басом. «Помирать собрась», повторяли эти слова жены. Никита Филиппович положил голову на подушку.

Он не заметил, как успел. Проснулся, уже затемнело. В окно сквозь кружевную занавеску ввалился зелено-блестящий лунный свет и, тихо подрагивая, растекался по полу тонкими узорами. Полежав и, словно с открытыми глазами, Никита Филиппович встал и засвеж-

тил лампу. За окном сразу сделалось темно, а в комнате душно. Он остановился перед окном, зевнув так, что затрещали скуды, подпер ладонью юбостную грудь. Все тело тронула страшная слабость, хотя было опять на кровати.

От ужина Никита Филиппович отказался, но заснуть больше не мог. Он поднялся с кровати, сунул ноги в портупе, наступил на плачи пиджак и вышел во двор. Было тепло по-летнему, на крыши домов, белых от месица, касалось, лежал снег. Никита Филиппович медленными шагами прошел кругом флигеля, уставив глаза в землю. Вышел он с намерением обдумать план, сломки, решить, что ломать сначала, что после — так, по крайней мере, заметил он себе, собираясь в эту неурочную прогулку, — но иди по двору, он разу не поднял он взгляда на дом, упорно наблюдал землю. Вдруг ему из дрожи в плащах показалось, что слыши кто-то следует за ним.

Не, кто тут? — громко спросил он, поворачиваясь, но ничего, кроме черной тени своей, не увидел. «Помирать собрась», синяя отчаяния повторилась в памяти слова жены, и ему сделалось не по себе.

Строяться, строиться будем, — попытался ободрить себя, но сердце лежало в груди неподвижно, словно каменное. Вспомнилось, как строил он этот дом. В ту пору умер у него старик отец, но он был так занят постройкой, что забыл пойти на похороны. Задуманный отсыпал на паляхах, сколько было ему тогда лет, — получилось тридцать с лишним. Легкое было время, веселые годы! Сыны через тридцать хлестали. Жизнь несла его вперед, как хороши кони, — крепко держал он вожжи в руках, уверенно управлял ею. И вот... доехал?

Да полно, доехал!

— Строиться будем, строиться будем, — трахнул плащами, опять попытался обмынуться на себя, но, — напрасно, — испретанные вожжи давно лопнули, кони обернулись в хромую клячу. Да и силы не те уже. Он опустился на камень и закурил папиросу. «И осталась после Ка-Альта», — заревел на улице пьяный голос, стараясь вымыть какой-то котин, но сорвался крикнул отчаянно: «Ух!» и рухнул. Вероятно, один из обитателей начального дома авансировал свой папирос для него. Но не для этого земли крошки попортила Никита Филиппович. Утромшии морщин, как тюрьма, он застывал своих соседей быть вечно на страже, зеводил по двору собак, опутывая заборы колючей проволокой. Когда впервые прошелась по улице весть о постройке Дома Культуры, говорили, что будет он строиться как раз на месте почтальона, которого закроют и снесут. Весть была приятная, и в те дни, стоя у ворот, Никита Филиппович заодно проводил встречу проходивших почтальонов: «Говорят, квартиру менят? Где снимаете — под мостом или на мосту? С новосельем!» — Пока не крикнули ему однажды: «Промахнулся, папаша! Ваших нет!» И действительно: почтальон не закрылся, а у него дома уже было.

Он поднял голову и из-под свинцовых бровей взглянул на каменные стены строящегося Дома Культуры. Освещенные сильными электрическими фонарями, они страшны своей громоздкой массивностью, но дважды никакого представления о будущей форме падают. Никита Филиппович, вспомнив, что в этом доме заселился им в жертву обременены труды его жизни, под их тяжелой массой неизмен земель, на которой он сейчас сидит — и кто знает, где остановится смертоносная поступь каменного чудовища? Никита Филиппович поднял руку и мерно погрозил тоистым коротким пальцем.

— Дьяволы, — сказал громко, — доказали.

И, отвернувшись, накрутился на падене бороду. И долгое время просидел неподвижно в глубокой задумчивости, склонив голову к груди. Потом встал, перешел двор и, выйдя на улицу, побрел вдоль забора. Месяц висел над домом Татарина, круглый и улыбающийся, освещая худую крышу с покосившейся трубой. Никита Филиппович заглянул к Татарину в окно. В комнате горела лампа, Татарин сидел за столом и ужинал. «Конину жрет», — тошнило подумал Никита Филиппович и постучал по стеклу. Татарин оторвался от еды, лицо его испугано, бледно, и кто знает,

— Это я, — сказал громко Никита Филиппович.

Татарин подошел к окну и со страхом в глазах прильнула к стеклу нос.

Да это я, — повторил Никита Филиппович, сердито показывая на себя пальцем.

Окно разострилось, Татарин осторожно просунул голову и почему-то тихо спросил:

— Случаи что?

— Ничего не случилось... Поговорить хочу...

— А, поговорить, — обрадовался Татарин. — Сейчас открою, Помещик. А я думал — несчастье. — Он кинув подбородком на грудь Никиты Филипповича, — растянутая сорочка сбилась в сторону, грудь была отогнена и волоски на ней стояли дыбок.

Когда Никита Филиппович вылез от Татарина, месяц взлетел уже на середине неба, и Татарин, зевнувши, зевнувши, взбежал синиц, залез на дерево, тихо ступая по лунной земле, дополз до своей хлевушки, с трохом отскакнул ее и вошел, во двор, оставил звонок открытой. На пути ему попался деревянный навес, он обхватил обеими руками один из его столов, и, навалившись на него всей тяжестью своего тела, молча стал раскачивать из стороны в сторону. Навес заскрипел, сверху посыпалась мусор, Никита Филиппович рванул изо всей силы столб, и крыша с визгом и треском

рухнула вниз, повиснув над землею на трех столбах, осыпав Никиту Филипповича землею, щепками, пылью.

— У-у! — завывал он, выворачивая из земли стол.

— У-у!

Попытавшись, Никита Филиппович пошел к флигелю, размахивая перед собой столбом. Подивившись на крыльо, он поднял столб высоко над собой и с грохотом обрушился им на перила.

— А-у-у! — дико взывал он, потрясая столбом, — у-у!

Столб размаху угодил в переплет окна — оттуда со звоном псызались стекла. Их коматы с криком выбежала женщина, за которой показалась бледная, громко заплахавшая девочка. Никита Филиппович отшвырнул ее от себя брюхо и, хватая себя руками за горло, комкал и терял ее, крикнув:

— Собирай на стол! Таски четверть! Поминки справлять буду!

Поминки начали он спрашивать в вечеря следующего дня: еще не все пещи были вынесены из дома, а Никита Филиппович уже называл рабочих, сидя за столом, установленным бутылками пива и водки, празднично разодетый, в коятме и в фетровой шляпе. К нему подходили жалкие и ободраные люди — все больше обитателиnochлежного дома, он принимал всех без разбора, тут же угощая их водкой. Они пили жадно и быстро, почти не закусывая, и скоро комната наполнилась табачным дымом и веселой рутанью подвыпивших людей.

— Эй, работу даво! Кто следующий? — кричал Никита Филиппович, пылью раскачивая плечи.

К столу подошел маленький человек с впалой грудью и большой головой, украшенной густо вьющимися черными волосами. На худых плечах его висел серый широкий пиджак, а на груди, словно на смех людям, болталася красная тряпка, означавшая, видимо, галстук.

— Кто такой? — заревел Никита Филиппович, берясь за карандаш.

А ты кто такой? — вдруг спокойно спросил человек.

Никита Филиппович уронил руку на стол и широко раскрыл пьяные глаза. Он как будто отрезал даже.

— Кто я такой? — переспросил он. — А тебе на что?

— Познакомиться.

— А ты откуда? Такой взялся?

— Я рабочий, — представился человек.

Стоящие рядом засмеялись, крикнули в несколько голосов.

— Это Француз!

— Вот, рабочий, — сказал Никита Филиппович после некоторого молчания: — Не туда ты попал. Для тебя дворец вон где строят, — ткнув пальцем в окно, пылью усмехнулся он. — Туда и ступай!

— Я не могу строить, — разъяснил человек.

— Вот как? А что же ты можешь?

— Могу ломать.

— Замхз?

Люди загоготали. Никита Филиппович в пьяной задумчивости наполнил стакан водкой.

— Поги и на бирже состояишь? — вдруг поднял он глаза на Француза.

— Вот мой биржа, — весело указал тот ладонью себе пониже живота.

Под грохой хохот Никита Филиппович стреб его за плечи руками и усадил рядом с собой.

— Пей, ежели так! — крикнул он, поднося ему стакан. Француз принял стакан и быстрыми глотками опорожнил его. — Пей еще! Только скажу тебе — строить легче, чем ломать. Не понимаешь? Эх! — он ударился грудью о стол, зазевелы бутылки. — Люди! Братья! Товарищи-лодыри! Люблю я вас! — И замотав головой, ткнув кулаком зубы Французу.

Француз отскочил от него и плюнул кровью.

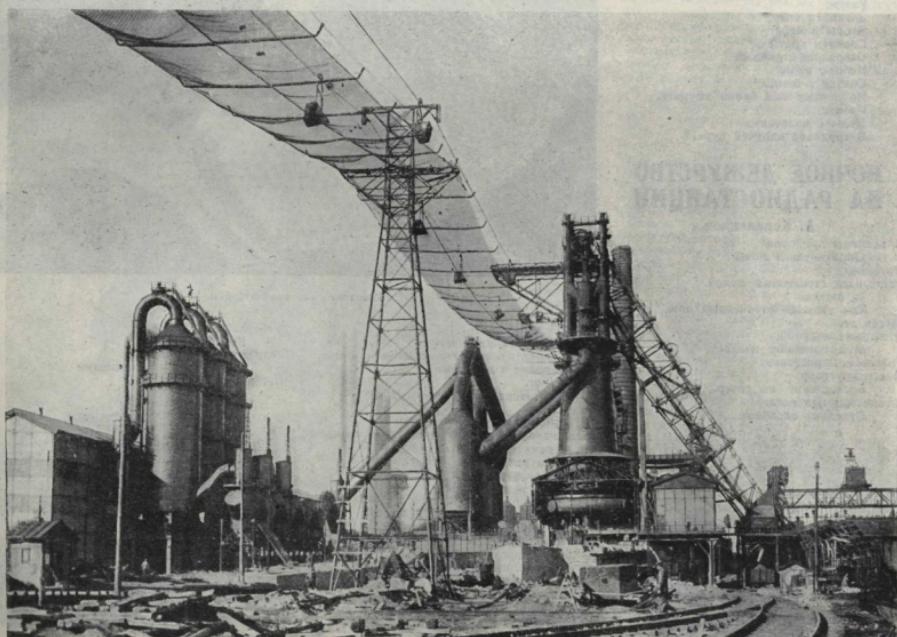
— Он дерется, — удивленно сказал он, и взял со стола нож.

— Не троны, его, Француз! Не троны! Он ладный! — крикнули голоса.

Никита Филиппович, часто и трудно дыша, сидел за столом, подперев юшки кулаками, а маленький Француз уже гулко бил по полу голыми пятками, носясь по комнате в лихом плясе.

(Окончание в следующем номере.)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ СТРОЙКА

Макеевские металлургические заводы. Общий вид домны № 6.

ДЕВУШКЕ - СТРОИТЕЛЮ

П. Романов

Славный друг,
С тобою вместе,
В молодую нашу пору,
Мы идем к постройке с песней,
Там нас ждет
Красавец корпус.
Там нас ждет
Высокий, бравый...
(Мы счастливы и богаты).
Поднимайся, величавый,
Гордый.
Соловей, в облака ты.
Не к чему нам
Брови хмурить.
Не к лицу нам
Грусти бремя.

Если нас не взяли бури
В том...
Бушующее время...
Если мы в боях не пали.
Не томились
Под арестом, —
Для сомнений,
Для печали
В молодых сердцах
Нет места!
Нужны мы,
Чтобы сердце билась
Молодым задором
Бодрость.
Наша радость,
Наша сила —
Корпус новый — наша гордость!
Отдадим постройке наши
Разум,
Знания и силу,
Чтобы в небе
Солнцем краине
Озарялись стропила.
Небо с нами,
Солнце с нами...
Ни к чему нам брови хмурить.
Громче,
Пыны с молотами,
В трудовой кинучей буре!

НОЧНОЕ ДЕЖУРСТВО НА РАДИОСТАНЦИИ

А. Коваленков

В водолеи приборов
Опрокинулась ночь.
Потемнея,
Заслезился стеклянный покой.
За окном,
Как зловеще отточенный нож,
Месит лед.
Вышине ледяной.
Мой приемник владеет
Тишиной мироздания,
И его кругозор
Баснословно не точен.
Компьютер пробасил:
Передача окончена.

Работница табачной фабрики.

До свидания,

Спокойной ночи.

Монотонно пульсируют дальние станции.
Их широкие созвездьям
Конца нет.

От Норвежских фьордов —

До —

Виннеградников Франции

Медно-зеленые россыпи мастеров мерцают.
Но, стремительным взмахом
Перегибая ракитичный фокстрот,
Сквозь разгузанный хохот
Ресторанной симфонии,
Над Европой

Тревога сигналов пылает,
Как придушенный рев фисгармонии.

Это ТАСС сообщает —

— Демонстрации в Вене,

Забастовки в Париже,

Уличные бои...

И встали над приемником

Исполнительные тени,

И качаются в черепе

Мыслей мон.

Листопадными искрами

Реют в наушниках шорохи,

Фейерверком

Уносятся прочь.

Разрастается пыльно

Над глухими просторами

Пестрозвучная

Радионочь.

Демонстрация безработных в Вене.

Американские полицейские разгоняют демонстрацию резиновыми дубинками.

21 МИЛЛИОН

Очерк Н. Филиппова

1

Лязгая гусеницами, ползут тракторы, за них — с топорами за поясом — идут лесорубы: в старые, и молодые, и парни, и девушки. В синеве сосновой, пропитанной неясным морозным туманом, гулит неслыханный молодых голосов. Снежные сугробы, насыщенные за ночь сиреневым снегом, сползают с пути ногами людей, атакующих леса.

И так — каждый день. Лишь солнце выбросит из-за далекого горизонта флаг дула — из лесных избушек леса Северного края идут сотни тысячи рабочих.

В лесосеки люди, точно по команде, расходятся в цепь, песни обращаются — и начинается перекличка топоров, разговор пил.

Одни за другой падают на землю огромные сосны, ели и лиственницы. Падает дерево, его очищают от ветвей, — и лесоруб даже подбрасывает второе...

Двадцать один миллион кубических метров древесины должны заготовить в этом году лесорубы Северного края, — таково задание партии и правительства Советского Союза.

Поэтому северные леса обильны на боевом положении. Поэтому вытесняются в лесах Севера еще громки воят пилы и звенят топоры, подбрасывая многолетние сосны, ели, лиственницы.

Поэтому с лесопильных заводов, с фабрик Москвы — отовсюду идут в леса ударные колонны партизан, комсомольцев, рабочих.

В лесу идет бой. Борьба за двадцать один миллион кубометров древесины — бой за новые фабрики, заводы и электростанции — бой за будущее.

Падают деревья, жужжат топоры тракторов, громкую перекличку ведут топоры, хором поют пилы.

Лес атакуется. «Лес отступает.

2

— Мы, ударники Сетенской комсомольской лесорубной бригады, берем на себя обязательство вырубить по 512 кубометров

Трактор на лесозаготовках.

на человека в сезон. Вызываем на соревнование бригаду Печевского участка.

Печевские комсомольцы, получив такой вызов, сначала призадумались. Некоторые даже говорили:

— Степени с ума сошли! Обычная норма — 250 кубометров в сезон, а они — 512! Больше чем в два раза!

— У нас в бригаде треть девиц — не утрутесь!

Но большинство сказали:

— Не подкачаем, ребята!

Вызов был принят. Сетенская и печенская комсомольские бригады дружно ударили по времени.

Лесорубы сначала над ними подсмеивались:

— Срите по дереву на бригаду!

Но скоро насмешки прекратились: сetenцы рубят в день по 4 кубометра на человека, то есть полностью выполняют взятое

на себя обязательство, печенцы — по 3 кубометра вместо прежних 2 с половиной.

А из городов и сел Северного края идут все новые и новые бригады и вступают в бой.

В Вологде комсомольцы организовали даже свой учлесхоз. На участке работают уже 100 комсомольцев. Вербуются еще 150 человек. Работой руководят студенты Московского лесного института.

Комсомольцы ведут борьбу за лесорубов двенадцатого лесочастка Кулойского района. И лесные рабочие этого участка вынесли боевую резолюцию:

— Мы обязуемся выполнить пятилетний план лесозаготовок в срок. Мы не хотим отставать от рабочих центров, мы хотим итти в ногу с ними и вместе перенести трудности строительства социализма в нашей стране. Этими мы ударим по кулаку и рабочему, в избах тепло, уютно и зелено.

— Молодцы, ребята! — восхищаются лесорубы.

— Самы избах не курят и нам не дадут! Отчущай!

Раньше в лесах избушки лесорубов было страшно видеть: пол усыпан окорками и заплеван, в углах паутина, воздух густой от испарений мокрой одежды и грязных чехловских тел.

Московские комсомольцы взяли лесорубов в ежовые рукоицы гигиенической дисциплины. И теперь — лесорубы не могут нахваливаться комсомольцами: воздух всегда чист и свеж, в избах тепло, уютно и зелено.

— Молодцы, ребята! — восхищаются лесорубы.

— Самы избах не курят и нам не дадут! Отчущай!

Жалобы, просьбы, предложения лесорубов — все идет через краснопресненцев. Они организовали в лесу ячейки партии и комсомола, рабочком профсоюза, красные уголки, выпускают стенные газеты, проводят среди лесорубов беседы.

Так комсомольцы-лесорубы дерутся на двух фронтах: рубят лес и за смерть бьют кости и бескультурье.

Огромный лист бумаги висел на совсем привычной к письму рукой было выведен:

«Кто из парней выедет на лесу на роже-

ство, с теми мы, девицы комсомолки и бес-

партийные, больше не станем гулять не пой-

дем за них замуж.»

Грузят лес на тракторные сани.

Такой ультиматум предъявили девицы Емельяненковскому района парням.

Рождество

Это слово в лесу звучит так же, как на войне слово «газ». В прошлые годы на «рождество» уезжали из лесу дохой тычины лесорубов. Они уходили, оставляя фронт открытым.

А в тылу их встречали малиновые перевозы рождественских колоколов, фимаментный чад церквей, потоки водки и самогоня.

Но в зиму этого года фронт был разрушен, погибли, кулаки и шинники не дождались лесорубов.

Стенсийские комсомольцы первые подняли свой протестующий голос:

— Мы сами не поедем в лесу и добьемся, чтобы рабочие останутся в лесу! — газавили они.

И добились.

Их зодзунг подхватили лесорубы Подольского сельсовета, Сухонского района, заявившие:

— В ответ на призыв попов и кулаек праздновать «рождество», мы выразимся себя удариликами! Обязуемся уздить рабус лесоводов!

Но северодвинский комсомолец Фролов отступил, уехал из лесу. Фролов, на проводниках в Колонном зале московского комитета партии завершивший, что он выполнит свою задачу, позорно бежал с фронта. И собрание комсомольцев Челмоготской тракторной базы вынесло им приговор:

— Исключить из комсомола.

Кулаки и попы были взвешены неудачей «рождества христова». Первым не удалось отомстить за то, что им не дают теперь брать лесные подряды, вторые уступили добруму старцу рождественским доходам. Тогда они решили действовать иначе. Они тоже вынунили зодзунг:

— Все в лес!

В результате — такие случаи, каким произошел в Койнасском районе: там кулаки рубили и портили лес, заполнили бревнами дороги. А когда бедники, сплотившись, дали им отпор, избили одного из бедников.

Поп Озеров из Пинежского района даже специально командировал своего сына в лес, чтобы уговорить лесорубов не работать...

Но... лесорубы не поехали из лесу, а Озеров-сын очутился за решеткой.

Тяжело лесорубам бороться с кулаком, тяжело видеть побег комсомольца с боевого фронта.

Но северные рабочие и комсомольцы умеют отвечать врагу.

Учащиеся северодвинских техникумов на десертификате из лесоводы удинники отвели на набором лесорубических бригад во время каникул. «Педагогический техникум» послал бригаду в двадцать человек, водный техникум завербовал сто человек.

Рабочие архангельских лесопильных заводов, строительных и машиностроительных предприятий, а также строительных лесной индустрии. Лесозавод № 26 дал попы почти тысячу рублей, лесозавод № 3 — более трех тысяч. По всем заводам идут субботники, на которых рабочие отдают часы своего отдыха, чтобы:

— Укрепить лесную индустрию!

В минувшую навигацию Архангельск-порт посетило около 1000 иностранных судов.

В будущем году еще больше иностранных судов придет за лесом. В будущем году струги внутри потребует еще больше лесоматериалов.

Поэтому — в эту зиму лесорубы должны заготовить 21 миллион кубометров. А в последнем году пятилетки цифра лесозаготовок в Северном крае вырастет до 60—65 миллионов кубометров.

АТКАРСК — ГОРОД ОКРУЖНОЙ

Ив. Молчанов

Впереди шел духовой оркестр. Из медных горностаих труб лилось что-то среднее между «Всё жертвую пали» и «Хабаровским узором». Стремительно, как гобои, гончий пошел самому себе. Звуки оркестра распылялись в морозной вечерней тишине города, далеко слышные, заставляли обывателей выходить к воротам утюхов домишек и сообщаться друг другу короткое:

— Хороните!..

Покойная гражданска Икс была членом профсоюза и верующей. По профсоюзной линии хоронили гражданина Икс с оркестром и по религиозной — с постом.

Зима — это старое, переплетающееся с новым, характерное для окружного города Аткарска.

Снимается уездные вывески, перестраиваются на окружной лад учреждения. Город принимает молодежный, осанстисткий вид. На базарной площади стоит собор. В ограде собора маленький жертвенник. Отсюда, из этого дома, три раза в неделю Аткарский округ получает новости окружного и всесоюзного масштаба, горячее слово коммунистической пропаганды за переустройство.

Читатель подумает: аткарские попы настолько «покрасневшие», что ведут коммунистическую пропаганду. Слепуя успокояти.

В желтом домике, в церковной ограде, помещается редакция недавно родившейся боевой окружной газеты «Знамя Коммуны». Именно боевой. На фронте реконструкции хозяйства — как на военном фронте. Печать этой «фронтовой» жизни замечена в каждой мелочи — в утренниках, в людях...

Также в троекратном размере газеты во главе с редактором, разбросав газеты, пили чай прямо на полу. Тов. Черняков, ответственный редактор «Знамени Коммуны», подтверждает поджав под себя ноги, информировала меня о поднимаемемся округе.

Город Аткарск из захудалого захолустья превращается в шумный окружной центр, в таран социалистического наступления и на фронте переделки сельского хозяйства в одном из первых регионов Нижнего Волжского края.

Район Аткарский, Лысогорский, Баландинский — это районы сплошной колхозизации. Баландинский район превращается в крупный колхоз, показательный агрокомбинат. Сельское хозяйство в этом районе, как и в других районах, всплыло из глины

— Убрать надо коммунистов...

Наукомыслы кулаки на своем нелегальном собрании в лесу, на хуторе Антонова. Хутора, купленные за деньги, выделенные из бюджета, кулаческая разница в пропорции, принесла у себя всю кулацкую банду своего и соседних районов. Подготовлялось темное дело. Выбор пал на тов. Кудрищева, секретаря партийной ячейки.

Накануне убийства кулаки готовили облаву на волхов. Подкулачник Сорокин за кукумы синими и стаки са-чмы зарядом наполовину убил тов. Кудрищева.

Вдохновители и убийсты — крупные кулаки, владельцы в различных предприятиях — распространяли среди населения слухи о «варфоломеевской ночи», в которую произойдет разгром коммунистов и сопротивляющихся им.

Кулач Иван Гебель, бывший торговец, ставший кулаком из лишенца, открыто заявил о своей ненависти к бедноте.

— Меня ограбили, — говорил он местным коммунистам, — я буду ремни из вашей кожей делать.

Виновники убийства тов. Кудрищева суро-ко наказаны. Темное кулацкое гнездо на хуторе Антонова беспощадно разрушено. Беднота на террористический акт кулаческого массовых приливом в колхозы и в партию.

КОМСОМОЛЕЦ!

Ты должен рассказать всем
ребятам, пионерам
и школьникам

О ДЕТСКОМ ЗАЧОЧНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Выходит под общим руководством
зим. наркома по просвещению
М. С. ЭПШТЕЙНА

Ответственный редактор С. Т. ШАЦКИЙ

СОСТОИТ ИЗ РАБФАКА И 4 ФАКУЛЬТЕТОВ:

Общественно-образовательного — 12 курсов,
ц. п. 50 к.; **Строительного-технического** —
9 курсов, ц. п. 4 р.; **Сельскохозяйственного** —
5 курсов, ц. п. 2 р.; **Подготовки детского актива** — 8 курсов, ц. п. 20 к.

Цена отдельного курса — 45 коп.

Подписаться можно на факультет, на полный
университет или на отдельные курсы.

ДЗУ помогает комсомольцу через
своих ребят лучше и интереснее вести
работу в **ЗВЕНЕ**, в **ОТРЯДЕ**,
среди **неорганизованных** ребят.

**КАЖДЫЙ ПИОНЕР
ДОЛЖЕН ПОСТУПИТЬ В ДЗУ**

ПОДРОБНЫЙ ПРОСНИКТ
ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНО

Подписка принимается: в Москве — ул. Герцена,
10, ОПНН изд-ва; во всех отделениях и магазинах
издательства на письменосце.

ПЕРЕВОДЫ НАПРАВЛЯЙТЕ:
Москва 19, Воздвиженка, 10, изд-во
«РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ».

ЕСЛИ
ВЫ ИНТЕРЕСУЕТЕСЬ
турismom в путешествиях,
выпишите на 1930 год

**НА СУШЕ
и
НА МОРЕ**

иллюстрированный двукратно-
дневник ЦК ВЛКСМ и Общества
приобретения туризма.
Журнал «турма», купеческий
и приключенческий.

24 НОМЕРА В ГОД, БОЛЬШОГО ФОРМАТА, ОБРАЗОВАННЫХ
Годовые подписчики получают бесплатное приложение: 1 белый лист
географической карты СССР
размером 45×34 см.

Цена 1 номера — 15 коп.
Подписка платная: 1 год — 2 р.,
за 1 квартал — 1 р. 60 к., за 6 мес. — 90 к.

**ОДИНАДЦАТЬ ПРИКЛЮЧЕНИЙ
МАСТЕР-ИЗДАТЕЛЕЙ**
Нов. изб., 6, изд-во
«Молодая Гвардия»,
издательство рабочей
литературы, издающее
издательства и повсеместно
на почте.

**ДОСТИЖЕНИЯ
СТРОИТЕЛЬНОЙ
ТЕХНИКИ**
ниво и интересно рассказаны
в книге

Годль С.
**ЗАВОЕВАНИЯ
ТЕХНИКИ**

Введение современности
нашиего времени

Перевод с английского
самого автора, ст. 224,

Соединение М. С. из
сторонней «Пограничной»
и издательства «Молодая Гвардия»
издание 1930 года.

МОСКОВА, М. ГОЛУБЧИК-ПОЧТЫ
посыпает эту книгу по почте
напоминая о затяжном и опасном
переводе из-за почтовых
вокзалов. При высылке денег
перевод — пересыпало бесплатно.

АВГУСТ БЕБЕЛЬ

ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ

Перевод с рукописи под
редакцией и со вступлением, статьей
Д. РЯЗАНОВА, страниц 547,
 вместо 3 руб.;
 цена 1 руб.

«Трудно найти пример че-
ловека, который до такой
степени представлял бы одно
целое с рабочим движением
своей страны, как Август
Бебель». Такова же про-
фессия Бебеля не оторвалась
от своего класса, подобно
многим другим «лидерам»
с. д., но всегда был чуток к
настроениям, рабочих масс».

Моск. а. 64, КИСИЗДАТ
«КНИГА ПОЧТОЙ»

высыпает эту книгу непод-
лично по получению заказа
и стоимости 1 рубль (может
почтовыми марками)

РОДИТЕЛИ!

ВЫПИШИТЕ ДЛЯ
СВОИХ ДЕТЕЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
МИНОГРАФИЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ИСКОРКА

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА
ПОДПИСЧИКИ
ПОЛУЧАЮТ:
12 КНИЖЕК ЖУРНАЛА

12 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХ
КНИГИ В КЛЮЧОК

12 МНОГОГРАФИЧНЫХ КНИГ
Библиотека «Искорка»

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА
на 1930 год
СНИЖЕНА:

1 мес. — 25 коп., 1 год — 3 руб.

Подпись и деньги направляйте
Москва, Тверской, 15, на ку-
тюрье «Рабочий Молодежь», отделением
и распределением «Рабочий Молодежь»
или в библиотеку «Искорка»,
расположенную в здании Центрального
издательства, управляемым отделом
кооперативных организаций.

12 ежемесческих сборников революционной
романтики, путешествий, открытий, изобрете-
ний, научной фантастики и художествен-
ной пропаганды генерального плана.

12 иллюстрированных сборников сюжетных
рассказов, занимательных очерков.

**ВЫПИСЫВАЙТЕ,
ЧИТАЙТЕ,
РАСПРОСТРАНЯЙТЕ**

иллюстрированный журнал для
рабочих, жен рабочих,
колхозниц, домашних работниц

ДЕЛЕГАТКА
(выходит 4 раза в месяц)

освещает все главные
политические события.

печатает рассказы, повес-
ти, очерки, статьи.

помогает бороться с не-
достатками в производ-
стве и в быту.

дает бесплатные прило-
жения (выкройки, руко-
дильные листы).

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: 1 мес. — 90 к., 5 мес. — 90 к.,
6 мес. — 1 р. 80 к. С 1 марта до конца года — 3 руб.

Цена отдельного номера 15 коп.

ЗАЧАСЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ

издательство «Рабочий Молодежь», Москва, Твер-
ская, 15, городским и киевским отделениям
«Работчик», Москва, почтово-телеграф. конторам.

*Борьба
Миров*

12 ежемесческих сборников революционной
романтики, путешествий, открытий, изобрете-
ний, научной фантастики и художествен-
ной пропаганды генерального плана.

12 иллюстрированных сборников сюжетных
рассказов, занимательных очерков.

БОРЬБА МИРОВ — САМЫЕ
ДЕШЕВЫЕ СБОРНИКИ ЭТОГО ТИПА

Цена отдельного сборника 40 коп.

В 1930 году «БОРЬБА МИРОВ» является
приложением к масштабному иллюстрирован-
ному журналу рабочей молодежи «СМЕНА».

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на 11 мес. — 4 р. 25 к., на
6 мес. — 3 р. 70 к., на 3 мес. — 95 к., на 1 мес. — 70 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Москва, Центр, В. Чер-
касский, 6, изд-во «Молодая Гвардия», всем отделе-
ниям издательства и новостоянам на почте.

Требует ежемесческих «БОРЬБА МИРОВ» во
всех киосках, у газетчиков и на станциях ж. д.

**КАК УСТРОЕН И РАБОТАЕТ
ТРАКТОР**

ВЫ УЗНАЕТЕ из №№ 4 (апрель) и 5 (май)
популярного ежемесческого журнала науки и техники

ЗНАНИЕ — СИЛА в №№ 26 ст. • Цена 25 коп.

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДЕ